

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НИЗАМИ ГЯНДЖАВИ

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-20-613-621>

Ализаде Лала Икрам кизи

Азербайджанский Университет Архитектуры и Строительства,

доктор филологических наук, доцент

e-mail: elizade.lalezar@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья основана на примерах из произведений Низами Гянджеви, как воспеваются китайская и китайская красота в образцах средневековой азербайджанской поэзии из исторических, литературных и культурных традиций народов Востока и какие метафорические фигуры отражены. В исследовании рассматривается концепция Китая в «Хамсе» с научно-художественной, историко-этнографической точек зрения. В процессе исследования информация о Китае и китайцах воспринималась как художественная метафора, средство художественного описания в системе метафор, красота Китая анализировалась как красивый художественный портрет, поэтический образ. В азербайджанской классической поэзии показано, что эта литературная традиция от Низами продолжается оригинальными поэтическими средствами.

Ключевые слова: *Китай, китаец, символ красоты, художественное определение, аналогия, локоны, родинка.*

INTERNATIONALISMS IN THE WORKS OF NIZAMI GANJAVI

ABSTRACT

The article is based on examples from the works of Nizami Ganjavi, how Chinese and Chinese beauty are glorified in the examples of medieval Azerbaijan poetry from the historical, literary and cultural traditions of the peoples of the East and what metaphorical figures are reflected. The study approaches the concept of China in "Khamsah" from a scientific-artistic, historical-ethnographic point of view. In the process of research, information about China and the Chinese was taken as an artistic metaphor, a means of artistic description within the system of metaphors, China beauty was analyzed as a beautiful artistic portrait, a poetic image. It is shown

in the Azerbaijan classical poetry that this literary tradition from Nizami is continued by original poetic means.

Keywords: *China, Chinese, beauty symbol, artistic designation, analogy, hair, birthmark*

В литературном мире Азербайджана еще с раннего средневековья время от времени наблюдалось интерес к национально-духовным ценностям китайского народа и литературно-эстетическое мировоззрение. Среди классической азербайджанской поэзии впервые в произведениях Низами Гянджеви (1141–1209) встречается образное представление и художественное описание китайской красавицы. И наиболее ярко выражены характерные черты, присущие китайцам в целом.

Академик Гамид Араслы, литературовед, который глубоко изучил историю литературных отношений между народами Азербайджана и Востока в своих исследовательских трудах, затрагивая тему о дружбе народов в произведениях великого поэта, писал: «Низами Гянджеви очень много писал о китайско-уйгурской культуре и Китайский Туркестан. В общем, в древние времена народ Азербайджана был хорошо знаком с Китаем. В своих произведениях поэт подытожил представления своего народа о китайско-уйгурской культуре и искусстве. И в заключении написал о могуществе и величии этих народов. В описаниях природы и образных выражениях слова «Китай» и «китаец» были использованы в положительном смысле. Поэт рассматривал Китай как цивилизованную страну. В своих самых ранних трудах он связывал такой важный вид изобразительного искусства, как художественная резьба с этой страной. И говоря о китайской резьбе, имел в виду воплощение высших образцов этого искусства» [Араслы Хамид ,1998: 219].

Как видно из этой цитаты, в наследии Низами Китай рассматривается обителью высоких культурных достижений. А китаянка - уникальным воплощением человеческой красоты. Однако не только эти качества, но и такие как отвага, мужество, смелость и бесстрашие, тоже важные свойства личности художественного образа китайца, созданного в «Хамсе».

Так, например персонаж Александра Македонского представлен в «Искендер-наме» как идеальный и справедливый царь, положительная личность. По сюжету поэмы, после мирных переговоров с Хаганом Китая

Александр Македонский получает весть, о внезапном походе китайцев на свой военный лагерь. Он считает этот поступок китайского правителя предательством. Александр Македонский противостоит великой армии китайского хана и спрашивает причину этого неожиданного похода. На что Каган отвечает, что он согласился на перемирие не из-за безысходности и страха поражения перед армией Александра. А из-за миролюбия, и с целью предотвращения неоправданного кровопролития. И чтобы продемонстрировать военную мощь своей страны привел свою армию в боевую готовность. Благодаря мудрости китайского правителя между сторонами подписывается мирный договор, предотвратив военные действия между армиями Александра и Китая. Эти важные исторические данные в произведении сформулированы следующим литературно-художественным образом:

Мой порыв дружелюбный все так же безмерен,
Я все так же правдив, прямодушен и верен [Низами Гянджеви, 1953:331].

В «Искендер-наме» Низами цель визита Александра в Китай образно выражается так:

Я у Кейда сажал много мускусных ив,
Дам Китаю жасмин – он душист и красив.
[Низами Гянджеви, 1953:309].

Поэт хочет сказать, что правитель, покоривший Индию, теперь политикой хочет подчинить своей власти Китай. Здесь черный мускус можно считать показателем на темный цвет кожи индусов, а белый жасмин белизной китайцев.

В целом, в «Хамсе», в соответствии с классической литературно-художественными традициями Востока, города Китая представлены как земли, богатые и материально и духовно:

Из дома вожделений, похожего на Фархару
Сбывалось мгновенно все желанное [Низами Гянджеви, 1982: 305].

Фархар – это название города в Китае, известное своими красивыми женщинами. То есть в том пиршестве, как и в городе Фархар (здесь этот город отождествляется раем), каждый смог добиться всего желанного и вмиг [Низами Гянджеви, 1982: 647].

Эти историко-этимологические данные передаются изумительными метафорами. К ним относятся и черты характеров героев, и грезы об утопическом обществе. И представления о воображаемом государстве. В подтверждение нашей точки зрения приведем следующие примеры:

Не заметил он крови в степи, но она
Вся, увидел он, мускусом ценным полна.
Сотни мускусных мчались газелей. Охоту
Искендер запретил и, не ведая счету,
Собирали войска за харваром харвар
Ценный мускус, – всем людям желанный товар. [Низами Гянджеви,
1983:300].

Рассказывая о походе Александра из Индии в Китай, поэт воспекает очаровательную природу и географическую среду Китая, чарующий аромат мускуса, который добывают из пупа антилопы. На примере из поэмы выше, все эти прелести природы Китая оживает перед глазами как картина с кисти великого живописца.

В другом отрывке мы наблюдаем использование слово «Китай» как метафорический образ:

С этой отметиной мускусной я душа Китая,
По предание горящий факел сердце Рума [Низами Гянджеви, 1982: 370].
(Перевод наш)

В этих строках выражение «мускусная отметина» означает черное, а «китайка» красоту светлой кожи и белизну облика. А «Я счастливый свет в сердце Рума» означает, что моя любовь овладела сердцем Искендера, что судьба моя связана с ним. В том смысле, что я понравилась Искендеру. В рассказе о пиршестве Искендера с китайской красавицей перед нами встает образ прекрасной девицы, которая восхваляет себя в сопровождении мелодии на сазе (музыкальный инструмент).

В поэме «Искендернаме» Н. Гянджеви создал интересный эпизод о встрече с китайско-тюркской наложницей. Китайский каган приносит в дар Искендеру порядочную китайско-тюркскую девушку с красивым голосом. И рассказывает о ее храбрости. Искендер сначала не верит его словам. Однако во время сражений с русскими он сам становится свидетелем этого. Он выражает ей свое восхищение и приветствует за отвагу в битве.

Следует отметить, что Низами воспевал жизнь своих героев не только в их странах. Поэт также переводил на стихотворный язык их походы в другие провинции и города, фрагменты войн и сражений. И повествовал об их взаимоотношениях с иными народностями. К примеру, в поэме Искендернаме есть отдельные рассказы со следующими названиями: «Поход Искендера из

Индии в Китай», «Письмо Искендера китайскому хакану», «Хакан отвечает на письмо Искендера», «Состязание румского художника с художником китайским». В этих сюжетных линиях поэмы с пафосом рассказывается об ответных письмах правителя Китая письмам Искендера, о приходе Кагана к Искендеру в обличии посла и развитие событий по достижению перемирия. А также про саму страну Китай и ее древних традициях.

Следует особо отметить, что Н. Гянджеви впервые в истории народов Ближнего Востока в своих произведениях воспевал дружбу народов. И этим возвел в жемчужину творения чувства человечности и интернационализма. Известно, что поэт-мыслитель использовал исторические сведения о китайцах из письменных источников, а также из образцов устного фольклора. В сказке индийской принцессы из поэмы «Семь красавиц» рассказывается о событиях, происходящих в одном призрачном городе Китая. В сказке «Добро и Зло» китайская принцесса повествует о неперенной и абсолютной победе гуманизма – добра над злом:

Шах китайской красавице дивными глазами

Сказал: «Сними пылинку моей души».

Начала рассказ свой девица китайская,

Сначала поцеловав руку правителя своему [Низами Гянджеви, 2004:224-225]. (Перевод наш)

Подобно сказкам, которые рассказали принцессы других стран, и в этой сказке отмечается положительное влияние Китайской девицы на мировоззрение и характер Бахрам Шаха. В заключение сказки китайской принцессы говорится:

Завершила сказку, та китайская девица

Сделав речь сладким и забавным.

Шах поместил ее подальше,

От дурных глаз и спрятал [Низами Гянджеви, 2004: 243]. (Перевод наш)

В другом отрывке поэмы, наряду с поучительной сказкой китайской красавицы, Низами рассказывает о походе Кагана Китая на земли Бахрам шаха. Бахрам Шах делает вид, как будто прячется и покидает свою страну. Этим он открывает путь своему врагу. Однако благодаря своему благоразумию и сдержанности Бахрам шах добивается уничтожения и изгнания врага из своей страны. Эта история представлена в поэме следующим образом:

Бахрам противостоял дни и ночи,

Не дремлят лазутчики зоркие.

Вести от китайского кагана,

Правителю доставил один из тех мужей [Низами Гянджеви, 2004:109-110].

(Перевод наш)

Даже сопротивление походам китайского народа и победы других народов, Низами Гянджеви восхвалял и славословил литературной тактичностью, присущей художественным гениям.

Именно такую позицию следует рассматривать как поэтическое выражение художественного гения азербайджанского поэта. Одна из историй и дастанов «Семи красавиц» сказка под названием «История шаха покупавшего и продававшего прислужницу», рассказанная Ягменазер, китаянки в желтом одеянии. Этот рассказ, поведанный Бахрам шаху, привлекает внимание особой поэтичностью, содержанию, а также по смыслу. По мнению исследователей, открыто констатируя происхождение образа воинственной девушки как «*тюркская принцесса*», Низами указывает на принадлежность ее к племени Хатай. Это племя считалось одной из древнейших тюркских племен. [Халисбейли Таги, 1991:58]. Следует также отметить, что в сказке китайско-тюркской принцессы «История шаха, покупавшего и продававшего прислужницу» мы видим, что поэт поднимает вопрос о защите человеческого достоинства. И основной задачей ставит проблему идеальной личности. Это великая миссия характерна для всего творчества гениального художника слова. И сегодня актуально, как всегда.

Взгляды, понятия и знания Низами о китайском народе, китайской красавице проявляются в описании образов китайских художников, архитекторов и представителей искусства.

В очередном примере любящий сравнивает китайский мускус прядью возлюбленной. Здесь воссоздается поэтический образ «Китайского мускуса» (Мишки-Чин). Поэт встречу китайского мускуса с благоухающими локонами возлюбленной передает следующим образом: «Что теперь поделать, черный раб твой не безгрешен». То есть эту ошибку совершил не кто-то представителей высшего класса. Представление «Мишки-Чин» в образе черного раба привлекает внимание как один из интересных поэтических фигур.

Особо следует отметить то, что в галерее поэтических образов в литературе Азербайджана существуют несколько лексических единиц, которые служат определением девичьих и женских имен. Такие определения как, «нигяр», «назенин», «мехбуба», «мехпара» и др. имеют гибкую функцию и

занимают активную позицию. Среди таких лексических единиц определение «Китай» и «китайский» имеют также уникальную позицию, как очаровательные женские имена. При этом черты лица китайцев, особенно глаза, считаются эталоном красоты. Например, в поэме «Семь красавиц» Низами представляет китайскую прислужницу Бахрам шаха Фитнэ с определением «узкоглазая»:

«О, узкоглазая тюрчанка, — спросил ее царь —

Почему и взглядом не достаиваешь нашу добычу? [Низами Гянджеви, 1983:137].

В конце же поэмы «Семь красавиц» в «Посвящение шаху и конец книги» Низами описывает одеяние китайцев с элементом «хатай»:

Благословляю, небеса в услужении у твоих ворот,

Надев хатай, сокроете свои грехи [Низами Гянджеви, 2004: 298]. (Перевод наш)

Известно, что «Хатай» в современном понимании означает Китай. Поэтический смысл стиха в том, что самые красивые и драгоценные одеяния Китая с золотыми украшениями тоже принадлежат Вам. Вы настолько могущественны, что даже небеса являются вашими рабами. В разделе «Знакомство Бахрама изображениями семи девиц в Хаварнаке» поэт описывает картины семи девушек следующим образом:

На одной стене было изображено семь красавиц,

Каждая из них происхождением из одного края.

Вот дочь индийского раджи, по имени Фурак –

Красавица, прелестнее полной Луны.

И дочь хакана по имени Ягманаз,

Кто повергла в смятении куколок Китая и Тараза. [Низами Гянджеви, 1983:102].

Здесь поэт упоминает буддийские и манихейские храмы в Китае. Поэтический смысл украшены красочными линиями.

Согласно исследованиям ученых, слово «Китай» в поэзии Низами, вовсе не Китай в современной географической территории. В поэме слово «Китай» означает Восточный Туркестан. А фраза «Китайские тюрки» в словаре Низами символ красоты, белизны и благородства. Тараз (ныне Талас), Ягма, Хотан – города Туркестана в Китае. Эти города всегда славились красотой своих девиц [Низами Гянджеви, 1982: 315].

По поэме «Хосров и Ширин» соперник шаха Ирана Хосрова Фархад был простым человеком. Он изучал архитектуру в Китае. Самопожертвование архитектора Фархада ради своей любви отразился также в его творчестве. Поэт устами Шапура, другого персонажа этого произведения, в следующих строках отмечает, что Китайский Туркестан славится своими известными художниками и архитекторами:

Мы были ровесниками, в Китае

Вместе учились и состарились.

Мастер наш знал каждое ремесло,

Дал он ему клинок, а мне перо. [Низами Гянджеви, 1983: 183]. (Перевод наш)

Он утверждает, что они своим творчеством не уступают Мани, который славился в Ближневосточной литературе как знаменитый художник. Согласно поэме, Мани приезжает из Рея в Китай, чтобы состязаться с китайскими художниками. Узнав об этом, местные художники строят в окраине города на пересохшей земле мраморный бассейн. И рисуют на нем фонтан, из которого струится вода. Когда Мани пересекает эту засушливую пустыню, чтобы утолить жажду старается наполнить кувшин с мраморного бассейна. Но кувшин разбивается об твердый мрамор.

В «Искендернаме» Низами рассказывает о состязании талантливых художников Искендера с китайскими живописцами. Члены жюри, следившие за творчеством соперников, заявили, что художники обеих стран находятся на высоком уровне.

Низами Гянджеви, словно географ, рассматривает Китайский Туркестан как одно из древнейших государств Азии. Он пишет о прекрасной природе этой страны. Особенно восхваляет тайны тибетского нагорья, ее древнюю культуру, изящное искусство и благородные традиции.

REFERENCES

На азербайджанском

1. Араслы Хамид. История и проблемы азербайджанской литературы. Баку, Гянджлик, 1998.
2. Халисбейли Таги. Низами Гянджеви и азербайджанские источники. Баку, Азернешр, 1991.
3. Низами Гянджеви. Семь красавиц. Баку, Лидер, 2004.

4. Низами Гянджеви. Искендернаме. Баку, Язычы, 1982.
5. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, Язычы, 1983.
На русском
6. Низами Гянджеви. Искендернаме. Баку, Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1953.
7. Низами Гянджеви. Семь красавиц. Баку, Элм, 1983.
8. Hashimova, S. A., & Nasirova, S. A. (2021). FEATURES OF FORMING OF ANIMATED NOUNS WITH THE AFFIXES IN MODERN CHINESE LANGUAGE. *Journal of Central Asian Social Studies*, 2(04), 1-10
9. Nasirova, S. A. (2020). CONCEPTS OF 中国梦想" CHINESE DREAM" AND 类命运共同" COMMUNITY OF THE ONE FATE OF HUMANITY"—A LINGUISTIC AREA. *Journal of Central Asian Social Studies*, 1(01), 05-14.
10. Abdullaevna, N. S. (2020). Lexical-semantic and cognitive specifics of political discourse (based on Si Jinping's speeches). *ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal*, 10(5), 1086-1092.
11. Nasirova, S. A., Hashimova, S. A., & Rikhsieva, G. S. (2021). THE INFLUENCE OF THE POLITICAL SYSTEM OF CHINA ON THE FORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL TERMINOLOGY. *Journal of Central Asian Social Studies*, 2(04), 10-17.